

Борис ГУРНОВ

«Мерседес» для Надежды

В сейфе «Властилины» нашли паспорт Аллы Пугачевой. Там же сыщики обнаружили то ли расписку, то ли справку о том, что «живая легенда» эстрады сдала фирме «Властилина» очень большую сумму денег.

Зачем Пугачева сдала «Властилине» свои деньги, в бумаге, найденной сыщиками, не указано. И так всем ясно. Какое-то время «Властилина», а точнее ее хозяйка госпожа Соловьева, играла в Москве, Подмосковье и по всей стране роль той самой прекрасной «тумбочки», в которую, если раз положишь, то потом очень долго сможешь брать деньги без счета.

Время то было довольно коротким — с декабря 1993-го по октябрь 1994 года.

Паспорт Аллы Борисовны из сейфа «Властилины» милиционеры, говорят, вернули быстро, а вот денег нет. Они, извините, то-то. Как и у многих других очень известных людей, которые, смирившись с потерей своих миллионов, не только не кричат: «Ка-раул! Ограбили!», а скорее совсем наоборот. Не только сами помалкивают, но и подчас просят милиционерский «караул», который почти два года распухает махинации «Властилины», не включая их в список обманутых ею людей, забывая. Сделав так, будто бы они «Властилине» никаких денег не давали.

И в этом есть определенный смысл. Ведь потерянных миллионов, судя по всему, с мошенниками все равно не получишь. И если будешь «выступать», то только зря «завестишься». В лучшем случае простой народ посмеется — вот ведь как обманули дурака. А в худшем — люди уже не только из разряда «простых», а те, что посерьезнее, могут начать интересоваться: «А откуда у вас, извините, были такие деньги?»

Рожденная на Сахалине, жившая в Самаре, а потом и в Подмосковье Валентина Ивановна Соловьева, хоть и причисляет себя сейчас к лицу всякого, была всегда женщиной простой. Миллиарды рублей и многие тысячи долларов она хранила в грудах роговых мешках, потом в картонных упаковочных коробках от сигарет и телевизоров. И жила она уже будучи миллиардершей в скромной малогабаритной двухкомнатной квартирке. Скрываясь от милиции, спала с мужем на полу в такой же квартирке одного из отработанных знакомых. Из прищипок предпочитала самую обычную доперестроенную шестиместную заставку. Несмотря на солидные габариты, любила пироги, кофты с ликером и душевные песни в исполнении известных артистов. Особенно уважала Надежду Бабкину, которой, говорят, она однажды, расчувствовавшись, подарила аж «Мерседес-600».

Сплошная ложь

Бабкина, как говорится, в одном из многочисленных томов следствия по уголовному делу «Властилины», была последней, кто посетил Соловьеву в ее доме перед тем, как уже объявленная мошенницей та «ударилась в бега». То ли дареный «Мерседес» певица хотела отдать обратно, то ли влюбленные во «Властилину» свои деньги получить назад, неизвестно. И вообще все, что окружает Соловьеву — «Властилину», сплошная ложь. Беря — сплошная правда, от которой ложь, особенно если по какой-то причине человеку хочется в нее верить, становится очень похожей на правду.

А причина хотеть верить Соловьевой у всех, кто с нею общался, была. Причем самая непосредственная, прямая и всеоскоружающая — деньги, карьера, личная свобода. Ведь прав, извините, был Карл Маркс, сформулировавший широко цитируемую большевиками мысль о том, что с ростом процента прибыли на вложенные деньги капиталист постепенно теряет все правовые, моральные и прочие сдерживающие принципы. А уж если захватит сверхприбыль, то он уже вообще готов на все, вплоть до самых страшных преступлений и даже на убийства.

Об убийствах, которые при нынешнем развитии капитализма в России у нас совершаются пачками и каждый день, в следственном деле «Властилины» речи, слава Богу, вроде бы, нет. А вот безглядная карьерная потеря одним людьми необходимыми принципов, а другими — элементарной осмотричности, разумности и здравого смысла — наличие. Точно по Марксу. Первые финансовые «пирамиды» расцвели и с треском лопнули еще в прошлом веке в Швейцарии.

И взлет их, и крах были вполне закономерны. В любое время в любой стране любой жулик наверняка может найти пятерых неисключенных в финансовых тонкостях людей, которых ему удастся уговорить вложить сегодня в фирму (название желательное покрывшее) одну тысячу, скажем, франков, чтобы через месяц получить вдвое больше.

И они их получают, чтоб стать приманкой для других, которые, узнав о возможности легкой наживы, тут же бросаются на «поле чудес».

И пошло-поехало. До тех пор пока сумма удвоенных вкладов, причитающихся первым в очереди на обогащение, не превысит количества денег, отданных последними. За вычетом, естественно, тех денег, которые организаторы «дела» регулярно отстегивают из оборота пирамиды в свой карман.

И тогда поначалу начнутся сбои в выплатах и меж вкладчиками возникнет грызня. Одни будут стремиться успеть урвать обещанные удвоенные деньги. Другие — хотя бы вернуть то, что вложили.

Начинала она в парикмахерской

Это уже потом, когда лившиеся к ней многомиллиардные потоки рублей и долларов приходилось регулировать специальными нарядами милиции и деньги она принимала только от коллективов и по очереди с предвзятым и завистливым взглядом на складчиками «Властилины». То бишь Валентина Соловьева, которая начала свою деловую жизнь очень и очень скромно.

Именно это происходило и происходило ныне с вкладчиками «Властилины». То бишь Валентина Соловьева, которая начала свою деловую жизнь очень и очень скромно. Имя это происходило и происходило ныне с вкладчиками «Властилины». То бишь Валентина Соловьева, которая начала свою деловую жизнь очень и очень скромно.

Кроме автомобилей, и снова по смешной цене, Соловьева стала предлагать своим вкладчикам квартиры и целые особняки. Только с работников подпольского электромеханического завода Соловьева собрала более двадцати миллионов долларов под обещания построить им дешевое жилье.

К концу своей недолгой деятельности она перешла в основном на депозитные вклады — просто собирала деньги, обещая гигантский процент. Но уже при условии минимального вклада не менее 50 миллионов рублей. С мелочью возиться уже не было времени и сил. Поэтому этот лимит возрос уже до 100 миллионов. Отдельным частным вкладчикам такое было не под силу, и люди сдвигались — поручили ехать в Подольск с деньгами кому-то одному, который потом, получив обратно вклад с «наваром», должен был разделить все между участниками складчины.

Пирамида «Властилины» заработала. В отличие от МММ и других подобных ей мошеннических фирм, стремившихся иметь широкий круг вкладчиков, трагически огромные деньги на рекламу, Соловьева делала свою главную ставку на коллективных вкладчиков, которые будут возникать там, где будут появляться и делиться своим счастьем ее первые клиенты. Причем с особым старанием, зная, как слаб человек и что «все мы — люди», она засыпала своих «агентов влияния» во властные структуры районного до всероссийского масштаба. И особенно в правоохранительные органы, к помощи которых, когда пирамида рухнет — а это Соловьева предвидела, — она сможет обратиться в трудный час.

Пирамида заработала со стремительностью и мощью горного обвала. Люди, наблюдавшие столпотворение вкладчиков у дверей офиса «Властилины» в Подольске, могли лишь предполагать, какие гигантские суммы шли в руки Соловьевой. К концу рабочего дня большие коробки с наличностью громоздились вдоль стен кабинета Соловьевой рядами в три этажа.

Деньги Властимины

(это был 1994 год) стоил восемь. И действительно выполнила эти обещания. Первые счастливицы развлеклись на машинах, приобретенных менее чем за полцены. И вместе с ними по городу, по области, затем в Москву и по всей России полетела слава о подпольской волевице. И потекли к ней деньги все новые и новых вкладчиков, для которых сроки получения машин были уже другими — месяц, потом три, потом и полгода.

Кроме автомобилей, и снова по смешной цене, Соловьева стала предлагать своим вкладчикам квартиры и целые особняки. Только с работников подпольского электромеханического завода Соловьева собрала более двадцати миллионов долларов под обещания построить им дешевое жилье.

К концу своей недолгой деятельности она перешла в основном на депозитные вклады — просто собирала деньги, обещая гигантский процент. Но уже при условии минимального вклада не менее 50 миллионов рублей. С мелочью возиться уже не было времени и сил. Поэтому этот лимит возрос уже до 100 миллионов. Отдельным частным вкладчикам такое было не под силу, и люди сдвигались — поручили ехать в Подольск с деньгами кому-то одному, который потом, получив обратно вклад с «наваром», должен был разделить все между участниками складчины.

Пирамида «Властилины» заработала. В отличие от МММ и других подобных ей мошеннических фирм, стремившихся иметь широкий круг вкладчиков, трагически огромные деньги на рекламу, Соловьева делала свою главную ставку на коллективных вкладчиков, которые будут возникать там, где будут появляться и делиться своим счастьем ее первые клиенты. Причем с особым старанием, зная, как слаб человек и что «все мы — люди», она засыпала своих «агентов влияния» во властные структуры районного до всероссийского масштаба. И особенно в правоохранительные органы, к помощи которых, когда пирамида рухнет — а это Соловьева предвидела, — она сможет обратиться в трудный час.

Пирамида заработала со стремительностью и мощью горного обвала. Люди, наблюдавшие столпотворение вкладчиков у дверей офиса «Властилины» в Подольске, могли лишь предполагать, какие гигантские суммы шли в руки Соловьевой. К концу рабочего дня большие коробки с наличностью громоздились вдоль стен кабинета Соловьевой рядами в три этажа.

Уже потом из материалов следствия станет известно, что в день Соловьева собирала до 70 миллионов рублей.

В сейфе Валентины Соловьевой нашли паспорт Аллы Пугачевой, но искомых 604764686000 рублей там не оказалось. Тайна пирамиды не раскрыта до сих пор.

«Властилина», а также дружеских и деловых связей Соловьевой в кругах власти имущих удалось, наконец, лишь офицерам наголовной полиции.

Едва взглянув на дела «Властилины» изнутри, они так и ахнули — типичная мошенническая финансовая пирамида. Да еще какая!

Выяснилось, что фирма, официально заявляющая о том, что крупный процент по вкладам она выплачивает за счет доходов от удачных вложений собранных денег в разного рода прибыльные производственные и коммерческие предприятия в действительности абсолютно никакой инвестиционно-коммерческой деятельности не вела и не ведет. Более того — это трудно поверить, но, зоркая милиция, Соловьева практически не имела ни серьезной бухгалтерии, ни точного реестра всех своих вкладчиков. Это ей было не нужно. Она знала, что вскоре пирамида рухнет.

«Властилина» была просто гигантским басом по выкачиванию денег из доверчивых людей. Система была предельно проста. Получали деньги с новых вкладчиков, часть собранной суммы оставляли себе, остальное шло на выплаты тем, кто дал раньше. На заставе снова собирали, и застрахивали, и остальные отдавали. И так далее.

7 октября 1994 года прокуратура Подольска возбудила уголовное дело по обвинению фирмы «Властилина» в мошенничестве. В бумагах фирмы не оказалось ни одного документа, свидетельствующего о том, что при действующей задолженности перед вкладчиками она обладает хотя бы какими-то реальными источниками для ее покрытия, кроме нового сбора денег.

В страхе перед разоблачением Соловьева бросилась искать кого-то, кто дал бы ей спасительный кредит. Была она, говорят, даже в Белом доме. Но никто ей ничего не дал. И в то же время встражаемые быстро распространившимися слухами о неплатежеспособности фирмы валом пошли вкладчики. Они требовали не обещаний, а реального расчета в установленный договором срок.

В ночь с двенадцатого на двадцатое октября 1994 года вместе с мужем и детьми Соловьева скрылась в неизвестном направлении — ударилась в бега.

Через десять дней для расследования дела «Властилины» была создана специальная следственно-оперативная группа. Валентину Соловьеву объявили в розыск, который длился семь месяцев.

В бегах
И чего только за это время о ней не говорили и не писали! Начиная с того, что она, мол, убила и труп ее растворен в кислоте, и до рассказов о пластической операции, произведенной в Германии. Говорили и о том, что вместе с семьей под надежной охраной Соловьева спокойно живет то ли в Париже, то ли на

секретной вилле МВД под Москвой. Рассказывали, что для ее поисков МВД привлекло даже экстрасенсов, по указаниям которых милиционеры в поисках ее трупа перекапывали газоны, дворы и подвалы старых домов.

Продолжая настаивать на своей абсолютной честности, Соловьева объясняла причину своего побега тем, что «свои люди» в милиции вовремя сообщили ей о том, что в состав группы, которая будет вскоре производить ее арест, включен человек, имеющий задание убить ее «при попытке к бегству».

«Зачем? Я бы для того, чтобы своими разоблачениями она не смогла скомпрометировать связанных с ней высокопоставленных работников правоохранительных органов?»
Могло ли такое быть? Чисто теоретически — да. Практически — маловероятно.

Поначалу, когда огонь скандала близкого краха только занялся, она, естественно, обратилась к заре и весьма благозвучно финансово повязанным ею друзьям из правоохранительных органов: «Спасайте! Иначе погорите сами. И вложенные деньги потеряете, и звезды на погонах, и должности».

И кое-кто, вероятно, действительно старался ей помочь. Ведь ясно же не случайно несколько операций по высылке и захвату, в частности в квартире суперпрестижного дома на Кутузовском проспекте — сорвались. Пришли, а там пусто. Ушла. Очень похоже было, что ее предупредили.

Когда пожар разоблачений разгорелся и стало ясно, что даже те люди в правоохранительных органах, которые, может быть, и захотели бы помочь Соловьевой, уже сделать ничего не могут, она заявила, что пала жертвой заговора правоохранительных органов, которые разрушили ее якобы процветавшее дело.

Потом Соловьева написала письмо председателю комитета по безопасности Государственной Думы Илюхиному с просьбой миллион и кто из генералов с полковниками МВД и госсоветниками юстиции принес ей в надежде собрать большую кучу.

Паразитично, что, как и в деле МММ, находились простаки, которые ей верили. И даже такие — их, правда, было немного — которые, создав официальную комитет в защиту мошенницы, поддались на ее призыв внести дополнительные вклады для того, чтобы дело «Властилины» завертелось вновь.

Депутатство сорвалось
Другие деятели на полном серьезе собирались даже выдвигать ее в депутаты Государствен-

ной Думы. Слава Богу, эта затея сорвалась. А подмосковные сыщики после ряда собственных неудач с поиском и арестом беглой Соловьевой обратились в конце концов за помощью в коллегам из ФСБ, и бывшие чекисты не подвели. На Тверской у Белорусского вокзала 7 июля 1995 года ее наконец-то и взяли.

Уже еще полтора года разбирался следователь в хитросплетенных искусных психологических ловушках «Властилины» и откровенной лжи ее хозяйки.

На одном из этапов следствия она попросила изменить ей меру пресечения (то есть выпустить из под ареста) под залог в триллион рублей. Сказала, что эти деньги в ее распоряжении имеются. «Хорошо», — ответили ей, — передайте вашим людям на свободу, у которых есть эти триллион, пусть переведут его на расчетный счет Ассоциации пострадавших вкладчиков. Как только деньги будут перечислены, вы сможете уехать домой». И на этом дело кончилось.

Большее к вопросу об освобождении под залог Соловьева не возвращалась. Очередная ложь.

Изменившие следователи признавались журналистам, что допрашивать Соловьеву мучительно и бессмысленно. Она или молчит, или лжет напропалую, пытается опутать паутиной кокона своей защиты максимально большее количество самых разных людей. Начиная от бывшего председателя Совета Федерации и до рядовых следователей, которые, по ее словам, якобы ее били и пили водку во время ее допроса из бутылки, демонстративно выставленной на стол.

В действительности же следователи провели гигантскую работу, проверив около двадцати двух тысяч индивидуальных и коллективных заявлений вкладчиков «Властилины» из семидесяти двух регионов России, сдавших ей в разное время 604764686000 рублей. Проверили и все иные о ее связях более чем с семидесятью различными предприятиями и ста семейств банками и их филиалами по всей стране. Полученные данные лишь укрепили их, изначальное мнение о том, что создание фирмы «Властилина» — классическая финансовая пирамида, мошенническая операция по выкачиванию денег из доверчивых граждан.

Никакой серьезной коммерческой деятельности даже с автозаводами, автомобилями которых Соловьева для затравки действительно по дешевке выдала своим первым вкладчикам, она не вела. Немного существовавшие документы, а главное, свидетели, рассказывают, как те счастливицы вызванных в Подольск для получения «Москвичей», сажали в автобус и везли в рядовой торговый центр АЗЛК. Там приехавший вместе с ними человек Соловьевой раскрывал имевшийся при нем чемодан с наличными деньгами и расплачивался за машины на общих основаниях.

«Великомученица»

Сможет ли суд, который должен состояться в январе, ответить хотя бы на часть повисших вопросов, о многих из которых под градусом едва ли не каждый скандальный сенсационный человек знает или уже забыл?

Будет ли достаточно убедительно опровергнута еще одна из получивших широкое хождение версий о том, что воистину бешеные деньги, присвоенные Соловьевой, давно уже конвертированы и спрячаны или даже ушло вложенные где угодно. И что при грозящем ей за мошенничество наказании сроком от трех до десяти лет тюрьмы она, отсидев положенное, вполне успеет воспользоваться ими. И поделится наследием «Властилины» не только со своими родными и близкими, но и маму не конец вспомнит — но и еще кое с кем. С кем надо.

Пока же в ожидании суда в следственном изоляторе в Капотне Соловьева рассказывает, что собирает сочинить о своей жизни роман. И, ни в чем не признаваясь и не рассказывая, по-прежнему обещая всем все вернуть сполна, шлет на волю призыв о помощи с подлизью «Ваша Валентина-Великомученица».

Ну мамочка святая. Нет слов — душат слезы.

P.S. Суд над Соловьевой ожидается в начале 1997 года. Следователи просят, чтобы процесс проходил не в Подольске, а в Мосгорсуде, который «Властилина» еще не успела купить.

Скандалы наших дней

«ВК» благодарит редакцию газеты «Интерпол-экспресс» и лично главного редактора этого издания Бориса Гурнова за предоставленный для публикации материал